

Автор: Екатерина Гнатюк

**Отрывок из серии рассказов
«Записная книжка Аглаи Востряковой
или Как выжить в городских джунглях»**

.....Аглая Вострякова – коренная москвичка, проработав несколько лет заместителем руководителя одного из правительственных учреждений столицы по вопросам внешних связей и сотрудничества, недавно была вынуждена переехать в Европу. Причина ее отъезда – настойчивый интерес к ее персоне российских следственных органов. Потеряв в эмиграции многие из своих привычных занятий, она решила обратиться к писательскому ремеслу, благо в годы работы ее записная книжка накопила немало курьезных историй и пикантных анекдотов.

Строить свою карьеру Аглае выпало в 2000-е годы, когда «лихие девяностые» сменил период становления рыночной экономики, принесший многим богатство, новые социальные связи и огромные возможности для потребления товаров и услуг. Население России, после нескольких десятилетий дефицита практически любых вещей, вдруг обрело возможность выбирать из множества земных благ – и воспользовалось этой возможностью «по полной».

Многие, не выдержав такого испытания широтой выбора, стремились получить все – и поэтому 2000-е, «золотое время» для многих, стало также и периодом стремительного роста случаев мошенничества, особенно преднамеренных банкротств. Постепенно сформировался и целый слой людей, которые специализировались на их организации – их смело можно было назвать героями этого времени, поскольку, так же, как и Печорин Михаила Лермонтова, чья история жизни отразила 19 век, они воплотили в себе все противоречия первого десятилетия 21 века.

С ними – то и пришлось, по долгу службы, пересекаться Аглае Востряковой, и, хотя ее собственные моральные устои были крепки, что-то всегда притягивало ее в таких людях. Благодаря своему незаурядному уму, она всегда могла различить их в толпе окружающих, а природная пронизательность позволяла ей проникнуть в самые глубины их личности, туда, где таились истинные чувства и намерения. И, зачастую, то, что ей удавалось обнаружить, противоречило тому образу, который такой человек создавал для окружающих – и Аглае становилось понятно, что этот образ всего лишь маска.

Лица многих из них врезались ей в память и не оставляли ее долгие годы – но, только в эмиграции она смогла найти время чтобы превратить заметки, которые она делала об этих «героях своего времени» в своей небольшой, бордового цвета записной книжке, в полноценные рассказы.

Перед вами, дорогие читатели, один из них.

«Взгляд несостоятельности».

Всякого рода беспринципная

деятельность приводит к банкротству.

Иоганн Вольфганг Гёте

Задумав описать вереницу примечательных людей, которых я имела удовольствие встретить за годы своей работы, я хочу начать с Роберта Ивановича Гесса, россиянина не без примеси, как уже понятно благодаря его фамилии, швейцарской крови. Был он темноволос, голубоглаз, с взглядом, который, казалось, пронизывал пространство вокруг него – и при всем при этом Роберт Иванович умел расположить к себе как никто другой. При первой же встрече с ним я почувствовала, что могу ему полностью довериться – и только мой богатый жизненный опыт помог мне не поддаваться чарам его обаяния.

На других, впрочем, оно действовало безотказно – чем Роберт Иванович и пользовался в корыстных целях. Он регулярно оказывался главным героем самых громких уголовных дел и судебных разбирательств. В каждом из таких процессов ему доставалась особенная роль – и он исполнял ее, становясь то идейным вдохновителем мошеннической схемы с банкротством, то даже изготовителем фиктивной документации. Каждый случай, когда ему удавалось выйти «сухим из воды», только прибавлял ему уверенности в себе и наш замечательный «волшебник» был готов снова и снова заново выстраивать схему введения предприятия в долговые обязательства.

Как оказалось, проекты реализации преднамеренных банкротств не были уж так замысловаты, а могли быть выстроены по единой схеме. Дальше требовалось только подогнать ее под конкретную ситуацию.

Разобраться с этими нюансами Роберту Ивановичу всегда помогал его давний партнер, а, впоследствии, после десятка удачных случаев мошенничества, уже и друг – Лев Мстиславович Преображенский.

Впервые услышав его фамилию, я невольно вспомнила другого Преображенского – профессора Преображенского, главного героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Чутье не подвело меня – Лев Преображенский, так же, как и его знаменитый литературный однофамилец, обладал поистине хирургической точностью, когда дело доходило до судебного процесса. Данный, если можно так выразиться, дар, Лев Мстиславович распознал в себе еще в юношеском возрасте, и впоследствии успешно использовал его. В бытовых вопросах он при этом мог быть крайне рассеян, и зачастую мог, выйдя в магазин по чужой просьбе, купить выпивку вместо выпечки, или сесть в такси, в последний момент перепутать адрес и уехать не туда.

Приобретя высшее экономическое, а затем юридическое образование, он превратился в эксперта широкого профиля, а, приобретя колоссальный опыт в 1990-е годы, впоследствии стал арбитражным управляющим. Через судебные круги он и познакомился в один прекрасный день с Робертом Ивановичем, который, распознав в нем мастера своего дела, не обремененного вопросами морали, в какой-то момент, после распитой бутылки коньяка, предложил ему «работать» вместе. Партнерство, предложенное Робертом Ивановичем, оказалось успешным и двое друзей проработали бок о бок друг с другом долгие годы.

Все это время, однако, пока обманы Роберта Ивановича возникали и давали свои плоды в виде денег один за другим, он сам регулярно становился жертвой мошенничества, правда, не профессионального, а женского. Кроме организации преднамеренных банкротств в его жизни была еще одна страсть, которой он отдавался с не меньшим увлечением – страсть к женскому полу. Нет, он не искал благородной и чистой любви,

его интересовали исключительно кратковременные страстные романы с разными женщинами, очароваться которыми он мог мгновенно, во время минутной встречи на улице или краткого разговора в кафе. В такие моменты им овладевал охотничий азарт, неистовое желание обладания, и чтобы реализовать его, он пускал в ход все свое обаяние, способное принести ему в суде миллионы. Но в любовных делах, в отличие от дел судебных, удача не сопутствовала ему с самого начала.

Девушки, на которых он обращал свое внимание, хоть и очень часто отвечали ему взаимностью, довольно быстро начинали требовать дорогих подарков, от украшений до шуб. И Роберт Иванович, не будучи скупым, дарил им эти подарки, а потом наслаждался благодарностью, которую девушки дарили ему взамен. Долго ему казалось, что именно такой обмен лучше всего подходит ему, что именно так, своим богатством, он соблазняет женщин, овладевает ими.

Однако все чаще в голову ему начинала закрадываться мысль о том, что в этих отношениях он, а не они, легковверная жертва. Как-то так выходило, что даже самые невинные на вид возлюбленные Роберта Ивановича очень точно могли определить, какой подарок лучше всего у него попросить – и не для того, чтобы наслаждаться им как подарком, нет. Для того, чтобы его продать, как только отношения с нашим героем заканчивались – одну свою пассиву он как-то встретил прямо в меховом салоне, возвращающей подаренную ей в прошлом шубу, зайдя туда со следующей девушкой.

Нельзя сказать, что он, увидев эту сцену в бутике, был сильно разочарован – нет, он был человеком циничным, и спокойно относился к самым разным проявлениям человеческой натуры. Но что-то встревожило его в той истории, и впоследствии он так и не смог ее забыть, и встречая каждую следующую свою пассиву, не мог отделаться от ощущения, что не он соблазняет ее дорогими подарками, а она умело ведет его к тратам, притворяясь небогатой простушкой, очарованной столичным джентльменом.

«Как странно, ведь использую всегда я: выбираю, приманиваю, владею, но зачастую меня же точит сомнение..... Будто использовали меня. И мне обидно», - думал он про себя, частенько анализируя свою личную жизнь, сидя вечером в кресле с бокалом в руке. Но прийти ни к какому ясному выводу он не мог – и эти размышления только утомляли его, подталкивая признать свои личные желания мнимыми и отказаться от них.

Возвращаясь к работе, он снова ощущал себя ловким, влиятельным знатоком людских душ – и в кабинетах предприятий, в залах суда возвращал пошатнувшуюся уверенность в себе. Потом снова ему встречалась очередная девушка – и снова возникало чувство разочарования. Так проходили его дни и таким, полным противоречий, я знала его. Рассказывая о них, он стремился говорить с юмором, но его часто выдавали глаза – в них возникала досада, скрыть которую ему было не так-то легко.

.....Прошло несколько лет, в течении которых мы не видели друг друга и вдруг я встретила Роберта Ивановича на одном из официальных приемов, посещать которые мне приходилось время от времени по долгу своей службы. Он узнал меня издали, кивнул, поднял бокал с шампанским в приветственном жесте – но во всей его фигуре читалась какая-то усталость, которой раньше не было. Мысль о том, что что-то произошло с ним за время, пока мы не виделись, не оставляла меня после этой встречи, и, расспросив знакомых, я восстановила события последних лет его жизни.

Последовательно развивая в себе страсть к наживе, Роберт Иванович, собрав все свои немалые связи, встал во главе одного из крупнейших аграрных предприятий в стране. Смастерив ложную бухгалтерскую документацию и отправившись на пару встреч в дорогих ресторанах Москвы, он сумел добиться финансирования для грандиозного проекта, который, по его обещаниям, должен был бы решить немало общественных проблем и принести людям пользу. Транши потекли рекой. Дальше, по

своему обыкновению, Роберт Иванович приступил к банкротству своего предприятия, продавая по заниженной стоимости плодородные земли агрокомплекса, заключая заведомо невыгодные сделки, а также выводя оставшиеся на балансе предприятия финансовые средства под видом займов.

Все шло, как всегда, как казалось нашему герою – но вдруг произошло непредвиденное. Роберта Ивановича подвело его чутье, не раз спасавшее его в прошлом, и в дело вмешалось следствие, заподозрив его в том, чем он на самом деле и занимался. Долгое разбирательство вымотало в конец нашего коренного москвича с швейцарской родословной, что по итогу отобразилось не только на его и так некрепком здоровье. Кроме того, прекратить следствие стоило ему немало средств, а потенциальные клиенты, которые могли бы помочь ему укрепить свое финансовое положение, больше не желали обращаться к его услугам.

Узнав об этом печальном конце его «карьеры», я задумалась – можно ли считать,

что Провидение наконец вознаградило его по заслугам? Может ли его история быть историей

о неизбежности расплаты за преступления? Банальной историей заигравшегося мошенника?

Или Роберт Иванович был жертвой не только женщин, которыми он увлекался, но и самого времени, в которое ему выпало жить? И стать другим он просто не мог, как не мог Печорин Лермонтова, а мог только воплотить в себе противоречия этого времени, став его героем?

Судить вам, читатели.